

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9:343.8

Постановочные проблемы психологического консультирования осужденных

И. М. СЛОБОДЧИКОВ – профессор кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

В статье выявляются проблемные зоны процесса психологического консультирования осужденных, находящихся в местах лишения свободы, рассматриваются вопросы мотивации специалиста и консультируемого, исследуется специфика взаимодействия в рамках консультативной работы, анализируются стадии консультативного процесса и изменение ряда базовых понятий практического консультирования в контексте рассматриваемой специфики.

Ключевые слова: психологическое консультирование; неклиническая психотерапия; мотивация; собеседник; взаимодействие; специфика контингента.

Settlement problems of psychological counseling convicts

I. M. SLOBODCHIKOV – Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor

The article reveals the problematic zones of the process of psychological counseling convicts who are in institutions of deprivation of liberty, examines the motivations of a specialist and a consultant, studies the specifics of interaction within the framework of advisory work. The stages of the consultative process and the changing of a number of basic concepts of practical counseling in the context of the specificity under consideration are analyzed.

Key words: psychological counseling; non-clinical psychotherapy; motivation; the interlocutor; interaction; specificity of the contingent.

Данная статья, в отличие от ряда классических статей теоретического или прикладного характера, в такой же степени является научной, в какой и общегуманистической, и даже, в известной мере, философской, поскольку в центре ее, что очевидно и логично, находится проблема человека, пребывающего в специфических – как внешне, так и внутренне – условиях, которого я, специалист-психолог, не могу, не имею права и не должен рассматривать никак иначе, кроме как личность, какой бы юридический и социальный «след» ни стоял за его противоправ-

ными деяниями и обстоятельствами, послужившими причиной одного деяния, и как бы я как личность в рамках своей социальной и гражданской позиции к этому деянию ни относился. В противном случае я выйду за рамки психологического консультативного процесса, который в основе своей и имеет межличностное взаимодействие.

Как правило, процесс взаимодействия психолога-консультанта и того, кто к нему за консультацией обращается, – это результат добровольного и самостоятельного выбора, поскольку «выбор консультирования как

формы психологической помощи зависит от меры ответственности, которую может вынести сам клиент. Это в свою очередь предполагает адекватную ориентацию клиента по отношению к проблемной и консультативной ситуациям, соответствующее эмоциональное состояние и уровень интеллектуального развития, позволяющий выбрать варианты решения проблемной ситуации, то есть, как правило, нахождение клиента в условных границах «нормы психического здоровья»¹.

Нет смысла даже затрагивать вопрос о границах нормы психического здоровья человека, совершающего преступление. Это вопрос отдельных многочисленных исследований на стыке проблем социальной психиатрии и социальной юриспруденции. Однако не акцентировать внимание на изменении базового принципа психологического консультирования в данном случае совершенно невозможно. Категория «добровольность и самостоятельность» обращения за психологической помощью здесь достаточно сильно смещается в сторону «рекомендуемости» или, если угодно, «направляемости».

В этой связи более уместно обратиться к истокам консультирования как процесса взаимодействия. Напомним, что предтечей психологической консультативной практики является принятое в большинстве религиозных традиций таинство исповеди, то есть возможность выговориться и получить извне отпущение грехов – разрешение, прощение, понимание и принятие².

Что направляло страждущего? Его собственная внутренняя потребность (реальная или декларируемая), существующий этический (и юридический) канон. И по сей день первая функция психолога-консультанта – разрешение собеседнику выговориться, возвращение в виде обратной реакции факта того, что в данный момент он не один, слышим и принимаем таким, каков он есть. Очевидно, что в основание описываемого нами принципа заложена ситуация доверия, малореализуемая в условиях пенитенциарного учреждения. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что при всей схожести первоначальной, но отнюдь не единственной, задачи психолог не священник, у него иной профиль и иные цели деятельности. Согласно существующим на сегодняшний день профессиональным представлениям, содержанием деятельности психолога-консультанта является «оказание психологической помощи, и по-

нимается это как непосредственная работа с людьми, направленная на решение различного рода психологических проблем, связанных с трудностями в межличностных отношениях, где основным средством воздействия является определенным образом построенная беседа... То есть, фактически, разговор с психологом должен помочь человеку в решении проблем и налаживании межличностных отношений с окружающими»³.

Когда речь идет о консультировании осужденных, мотивация на общение со специалистом первична, но, очевидно, разговор об истинности этой мотивации, ее основаниях и наполненности – вот первооснова установки на консультирование, и такой разговор выходит за рамки данной статьи и должен (и будет) служить темой отдельного анализа и описания. Никакого противоречия, на первый взгляд, в ситуации наполнения консультативного процесса (описанного выше) и переноса его в специфическую среду пенитенциарного учреждения нет, однако обратимся к еще двум базовым принципам консультирования. И здесь мы позволим себе привести соответствующие цитаты целиком: «Принцип ориентации на нормы и ценности клиента. Этот принцип подразумевает, что психолог во время своей работы должен ориентироваться не на социально принятые нормы и правила, а на те жизненные принципы и идеалы, носителем которых является клиент. Эффективное воздействие возможно лишь при опоре на систему ценностей самого клиента, критическое же отношение консультанта может привести к тому, что пришедший на прием человек замкнется, не сможет быть искренним и открытым, а следовательно, и возможности консультативного воздействия окажутся практически нереализуемыми. Принимая же ценности клиента, уважая их и отдавая им должное, консультант сможет воздействовать на них в том случае, если они являются препятствием на пути нормального функционирования человека»⁴. Сама постановка вопроса, к слову сказать совершенно корректная, предполагает весьма существенную трансформацию – поправку на «спефику». Но в связи с вышесказанным немедленно возникает предварительная задача, поскольку в условиях пенитенциарного учреждения психолог не может консультировать и вести терапевтическую работу (речь идет о неклинической психотерапии, разумеется) с нуля, как это происходит в обычной жизненной ситуации. Специалисту необходимо дополнительное

время и возможность для изучения личности того человека, с которым ему предстоит общаться и работать, при этом категория «изучение», разумеется, тоже весьма условна, а в большой степени и некорректна, поскольку речь идет о профессиональном навыке и умении за минимальное время составить насколько возможно целостное представление о личности, опираясь не только и не столько на предварительную информацию о ней, сколько на свои знания, опыт, профессиональную интуицию. И внутриличностный конфликт, который практически неизбежно возникает у специалиста (в особенности у специалиста молодого) в связи со спецификой трактовки озвученного принципа, может быть решен только единственным способом – поиском «поля свободного движения», нахождением или в отдельных случаях угадыванием общих ценностей и схожих представлений о значимых вещах, событиях и предметах.

Принцип анонимности означает, что «любая информация, сообщенная клиентом психологу, не может быть передана без его согласия ни в какие общественные или государственные организации, частным лицам, в том числе родственникам или друзьям. Из этого правила существуют исключения (о которых клиент всегда предупреждается заранее), специально оговоренные законом во многих странах. В нашей стране таким исключением, пожалуй, можно считать ситуацию, когда психолог узнает во время приема о чем-либо, что является серьезной угрозой для чьей-либо жизни. Но, конечно же, даже в этой ситуации его действия должны быть максимально осторожными и соотноситься с интересами клиента»⁵. В сравнении с принципом ориентации на нормы и ценности клиента принцип анонимности представляется уже просто техническим правилом.

Отдельными важнейшими вопросами в анализе специфики психологического консультативного процесса в пеницитарном учреждении является проблема восприятия психолога осужденными, а следовательно, и реакция на него, отношение к нему, а также проблема завоевания и удержания специалистом авторитета.

И, разумеется, отдельной строкой, как только речь заходит о практической консультативной работе, всплывает классическая триада вопросов: зачем? для чего? как?

Ответ на последний вопрос относительно прост (не говоря о том, что очевиден) – он описывает технологию и техники ведения собеседника. К слову сказать, классические стадии процесса психологического кон-

сультирования (знакомство – установление атмосферы эмпатии и готовность к общению – монолог обратившегося – уточнение, «сканирование» проблемного поля – выдвижение гипотез – диагностика – обсуждение – ответный монолог консультанта – принятие совместного решения и разметка возможных этапов его реализации) в данном случае не соблюдаются, в результате чего возникает необходимость специальной разработки схемы консультативного процесса в связи со спецификой субъекта консультирования и поля – условий, в которых данный субъект находится.

Два первых вопроса при всей своей внешней схожести отнюдь не идентичны, и ответы на них раскрывают совершенно разные аспекты консультативного взаимодействия. Вопрос «зачем?» должен быть связан с мотивацией, причем, как следует из «канона» консультирования, с мотивацией обращающегося за помощью. А если прямого обращения попросту нет? Значит ли это, что и мотивации на консультацию и общение с психологом нет и отсутствует запрос на консультативную работу? Совершенно не значит. Как правило, важнейшим нюансом является безусловность потребности в психологической помощи и поддержке, с одной стороны, и тотальное глубинное недоверие к специалисту как к человеку «системы» плюс непонимание разницы между врачом и психологом и боязнь вмешательства «в душу и мозги» – с другой. Эта дилемма ставит перед специалистом важнейшую, ключевую задачу – завоевание пусть не доверия, но права на профессиональный контакт, права на разговор. Решению этой задачи во многих случаях не может даже предшествовать длительное наблюдение, поскольку оно уже в процессе общения или выдерживания активной паузы становится второй стадией консультации. И диагностика как процедура, которая должна дать реальный, а не формальный результат, тоже подвергается искажению, поскольку стандарт ее классического проведения неприемлем и во многих случаях неосуществим. Здесь важно отметить, что граница между интуитивной догадкой, результатом-выводом как следствием наблюдения и чрезвычайно напряженной внутренней психоэмоциональной деятельностью психолога-консультанта, с одной стороны, и додумыванием, фантазированием на основе принятия желаемого за действительное – с другой, чрезвычайно хрупка, а риск формирования контрпереносов увеличивается многократно в связи с тем, что субъект наблюдения и консультации

– собеседник – находится априори в чрезвычайных обстоятельствах и по определению виновен. Проблема формирования переносов и контрпереносов, а также развития специфических коммуникативных и эмоциональных зависимостей в ситуации общения «психолог – осужденный» является темой отдельной статьи, если не полномасштабного исследования.

Обозначенные проблемные узлы только первый слой, самое поверхностное обозначение специфики ситуаций психологического консультирования в условиях пенитенциарного учреждения, однако даже это позволяет сделать несколько чрезвычайно важных выводов.

Во-первых, говоря о специфике среды пребывания (внешних условиях) и о специфике внутриличностных переживаний, переосмысления происходящего здесь и сейчас человеком, который является потенциальным или реальным клиентом психолога-консультанта, мы, безусловно, приходим к необходимости пересмотра не только ряда базовых принципов самого процесса психологического консультирования, но и целого ряда связанных с ним понятий.

Во-вторых, процесс формирования взаимодействия в паре «психолог – собеседник» в силу ряда обстоятельств импровизиационен и, как следствие, менее подвержен воздействию профессиональных стереотипов. Следовательно, динамика этого процесса чрезвычайно вариабельна и целиком и полностью зависит, с одной стороны, от личностных (в данном случае мы интерпретируем это понятие максимально широко) особенностей консультируемого, с другой – от интуиции, эмоциональной и психологической подвижности, уровня профессиональной адаптивности специалиста.

Ответ на вопрос «для чего?», заданный нами выше, определяет третий вывод: именно профессиональная работа психолога-консультанта, который, если повезет наладить действительное, подлинное взаимодействие с собеседником, практически неизбежно превращается в специалиста по неклинической психотерапии, определяет готовность к переосмыслению клиентом консультации собственных поступков, в ряде случаев пересмотру линейки жизненных ценностей, что является психологической сверхзадачей пенитенциарной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Меновщиков В. Ю. Введение в психологическое консультирование. М., 2000. С. 4.

² См.: Мэй Р. Искусство психологического консультирования: как давать и обретать душевное здоровье. М., 2002.

³ Алешина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М., 2004. С. 12, 14–15.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Menovshnikov V. Ju. Vvedenie v psihologicheskoe konsul'tirovanie. M., 2000. S. 4.

² См.: Mjej R. Iskusstvo psihologicheskogo konsul'tirovanija: kak davat' i obretat' dushevnoe zdorov'e. M., 2002.

³ Aleshina Ju. E. Individual'noe i semejnoe psihologicheskoe konsul'tirovanie. M., 2004. S. 12, 14–15.

⁴ Tam zhe.

⁵ Tam zhe.

УДК 37.03:343.8

Об опыте использования потенциала фильмов духовно-нравственной направленности в процессе ресоциализации осужденных в условиях пенитенциарной системы

А. Н. БАЛАМУТ – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

О. Н. СТАРОДУБЦЕВА – преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России;

Н. В. РЕДЁГА – начальник психологической службы УФСИН России по Калужской области

В статье анализируется имеющийся положительный опыт использования психологическими лабораториями исправительных учреждений УФСИН России по